

УДК 94(470.42)

Д. А. Кузьменко

*Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: Malish26160@mail.ru*

Советское диссидентство и власть: к вопросу эволюции форм и методов взаимодействия

Введение. Рассматриваются причины возникновения антисоветских настроений в конце 1960-х гг., социальные предпосылки формирования и становления диссидентского движения, повлиявшего на трансформацию общественного мышления в условиях жестко регламентированных идеологических установок ЦК КПСС, а также эволюцию форм и методов его взаимодействия с властью. **Методы.** Автор опирается на сравнительно-исторический метод, который позволил выявить ряд закономерностей в становлении советского диссидентства; проблемно-хронологический, благодаря которому в хронологической последовательности рассмотрен процесс становления диссидентского движения в неразрывной связи с процессом формирования отношения к нему со стороны официальных властей; описательно-повествовательный метод, способствующий выявлению природы и сущностного содержания диссидентского движения и специфики взаимоотношений с властными структурами в конкретный исторический период. **Результаты.** Несмотря на целый ряд шагов, предпринятых оппозиционными движениями и группами, чтобы обратить внимание высших органов партии и советского государства на проблемы советского общества в социально-экономической, политической и духовной сферах, власть так и не смогла найти способ адекватного взаимодействия с диссидентами, что привело в итоге к ненужной конфронтации. **Обсуждение и заключение.** Неумение и нежелание советской власти вести конструктивный диалог с оппозицией, судебные преследования, высылка за границу, лишение гражданства, насильственное помещение в спецпсихбольницы тюремного типа и т. п. привели к эмиграции солидной части интеллектуальной элиты, которая могла бы послужить делу обновления страны, а комплекс причин социально-экономического и политического порядка, о которых говорили диссиденты, привел к неминемому распаду СССР. **Ключевые слова:** диссидентство, правозащитники, хрущевские реформы, эпоха Л. И. Брежнева, антисоветская литература, эмиграция.

Для цитирования: Кузьменко Д. А. Советское диссидентство и власть: к вопросу эволюции форм и методов взаимодействия // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 414–426. DOI: 10.15507/2078-9823.048.019.201904.414-426.

© Кузьменко Д. А., 2019

Dmitry A. Kuzmenko

North-West Institute of Management – the Branch of «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»
(St. Petersburg, Russia), e-mail: Malish26160@mail.ru

Soviet Dissidence and Power: on the Evolution of Forms and Methods of Interaction

Introduction. The article discusses the causes of anti-Soviet sentiment in the late 1960s, social preconditions of formation and development of dissident movements, influenced the transformation of social thinking in terms of rigidly ideological attitudes of the Central Committee of the CPSU and the evolution of forms and methods of interaction with the government. **Methods.** The author relied on a relatively historical method, which allowed to reveal some regularities in the development of Soviet dissidence, problem-chronological, contributing in chronological order to consider the process of formation of the dissident movement in close connection with the process of formation of attitude on the part of official authorities; descriptive narrative method facilitates the identification of the nature and essential content of the dissident movement and the specifics of the relationship with the authorities in a particular historical period. **Results.** Despite a number of steps taken by opposition movements and groups to draw the attention of the highest organs of the party and the Soviet state to the problems of Soviet society in the socio-economic, political and spiritual spheres, the authorities have not been able to find a way to adequately interact with dissidents, which ultimately led to unnecessary confrontation. **Discussion and Conclusion.** The inability and unwillingness of the Soviet government to conduct a constructive dialogue with the opposition, prosecutions, expulsion abroad, deprivation of citizenship, forced placement in special mental hospitals of prison type, etc., eventually led to the emigration of a solid part of the intellectual elite, which could serve the cause of the country's renewal, and the complex of reasons for the socio-economic and political order, which the dissidents spoke about, led to the inevitable collapse of the USSR.

Keywords: dissidence, human rights defenders, Khrushchev's reforms, the era of L. I. Brezhnev, anti-Soviet literature, emigration.

For citation: Kuzmenko D. A. *Soviet Dissidence and Power: on the Evolution of Forms and Methods of Interaction. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2019; 19(4): 414–426. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.048.019.201904.414-426

Введение

Радикальные перемены в российском обществе на рубеже 90-х гг. XX в. требовали от новой власти и формирующихся политических партий и объединений поиска модели взаимоотношений, базирующихся прежде всего на взаимном уважении, доверии и плодотворном сотрудничестве. На первом этапе власть, не имеющая такого опыта, ибо практически все тогдашнее политическое руководство страны в совсем недавнем прошлом были партийными, комсомольскими или советским функционерами, столкнулась с целым рядом проблем,

касающихся выстраивания принципиально новых взаимоотношений и взаимодействия с политическими оппонентами внутри страны. Своего рода проверкой этого взаимодействия явились трагические события октября 1993 г., когда, используя силовые методы, в том числе оружие, Президент России Б. Н. Ельцин сохранил власть в своих руках.

Дальнейший период был временем совместного как для «команды» Президента, так и для так называемой системной оппозиции поиска создания качественно новых взаимоотношений, основанных на со-

вершенно иных принципах, позволивших сохранить как российскую государственность, так и систему многопартийности в стране. Созданный в первом десятилетии нынешнего века механизм взаимодействия государства и оппозиции весьма успешно функционирует и сегодня.

Актуальность темы имеет важное не только научное, познавательное, но и практическое, а также социальное значение. Это связано с тем, что современное российское общество функционирует и успешно развивается в условиях политического плюрализма и многопартийности, наличия так называемой системной оппозиции. Тем не менее и сегодня как власть, так и оппозиция, особенно во время проведения выборов кампаний, сталкиваются с проблемами в этой сфере, что нередко выливается в абсентеизм, взаимную критику политических оппонентов и недоверие к институту демократических выборов.

Обратившись к опыту взаимоотношений советской власти и оппозиции в лице диссидентского движения середины 1960–1980-х гг., можно убедиться в том, что в нем достаточно отчетливо проявились не только основные тенденции, но и серьезные противоречия между оппонентами, которые привели в итоге к весьма негативным последствиям. Это прежде всего уголовные преследования несогласных с политикой партии и государства, представленных властью только как недоучек, туеядцев, психически неполноценных граждан, агентов западных спецслужб, нередко достаточно безосновательное принудительное лечение диссидентов в спецпсихбольницах, вынужденная их эмиграция за рубеж и т. д.

Следует отметить, что история взаимоотношений власти и оппозиции в указанные годы до сих пор не нашла должного научного освещения в исторических исследованиях. Они практически всегда рассматривались лишь в контексте истории

становления оппозиционных движений и групп на различных этапах советской истории. В этой связи представляется, что проблема взаимодействия власти и оппозиции середины 1960–1980-х гг. является весьма актуальной и сегодня и требует дальнейшего изучения в рамках исторической науки.

Целью данного исследования является изучение исторического опыта взаимоотношений и взаимодействия между несистемной оппозицией и советской властью в период так называемого развитого социализма. Оно базируется на достаточно солидной историографической базе, широком круге разноплановой научной литературы и источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи исследования: показать процесс становления диссидентского движения в СССР в контексте назревавшего социально-экономического и духовно-нравственного кризиса советского общества периода «зрелого социализма», изучить механизм и эволюцию взаимоотношений между высшими органами власти и оппозицией в ходе развития диссидентского движения в стране; проанализировать результаты и последствия отношения высших органов коммунистической партии и советского государства к оппозиции.

Методы

Основным методом данного научного исследования послужил сравнительно-исторический метод, который позволил в контексте становления оппозиции в СССР выявить ряд закономерностей исследуемого явления; проблемно-хронологический, благодаря которому в достаточно строгой хронологической последовательности рассмотрен процесс становления диссидентского движения в неразрывной связи с процессом формирования отношения к нему со стороны официальных властей; описательно-повествовательный метод, предостави-

вший возможность рассмотреть и изучить природу такого общественного феномена, как оппозиция, учитывая ее своеобразие и специфику взаимоотношений с властными структурами в конкретный исторический период.

Результаты

Продолжающиеся в последние два десятилетия дискуссии в отношении политической незрелости российского общества, а также его инертности в современных условиях вызывают значительный интерес историков, политологов и социологов, исследующих как предпосылки сложившейся модели поведения, так и противоположные процессы. В данной связи особый интерес представляет изучение не только эволюции такого феномена, как диссидентство, и выявление причин и мотивов тех людей, которые позволили себе в эпоху авторитарного социализма высказывать публично свои взгляды и убеждения [10, с. 140], но и опыта взаимодействия советской власти и, как принято сегодня говорить, так называемой несистемной оппозиции.

В последние несколько десятилетий эта тема является предметом дискуссий, так как диссиденты, в частности А. Амальрик, Л. Богораз, С. Ковалев Л. Алексеева и др., известные отечественные исследователи Е. И. Пивовар и А. Б. Безбородов, В. Пономарев, А. А. Данилов, Л. А. Королева, Р. Г. Пихоя и др., считают это явление весьма позитивным, способствовавшим становлению демократии в России. Другая же часть, представляющая прежде всего известных отечественных исследователей, уверена в противоположном: диссиденты были своеобразным антисоветским проектом Запада, являлись нередко агентами враждебных спецслужб, а их действия – составной частью «психологической войны», развязанной Западом против СССР. Среди них стоит выделить работы Н. Н. Яковлева, В. Соловьева, Е. Клепиковой, Е. Зубковой,

Ф. Д. Бобкова, Ф. И. Бурлацкого и др. Представляется, что как в одном, так и в другом понимании оценки рассматриваемого феномена имеют место как элементы субъективизма, так и объективности.

Следует отметить, что изначально активисты движения идентифицировали себя как «демократическое движение», «правозащитники», а позднее и «инакомыслящие». Понятие же «диссиденты» впервые по отношению к «несогласным» в СССР впервые начали использовать западные журналисты (от лат. *dissidens* «несогласный») в начале 1970-х гг.

Одной из важнейших причин возникновения диссидентства как социокультурного феномена советской действительности явилось несоответствие результатов хрущевских преобразований ожиданиям многих граждан страны и в первую очередь либерально мыслящей части общества. Не доведенные до конца преобразования продолжились во второй половине 1960-х гг. постепенным «закручиванием гаек», нарастанием консервативных тенденций в деятельности высшего партийного и государственного руководства, что особенно отчетливо стало проявляться с приходом к власти «команды» Л. И. Брежнева. Уже в самом начале его руководства со страниц периодической печати и других средств массовой информации стала исчезать тема необоснованных политических репрессий и культа личности. При этом Сталин в целом ряде книг и художественных фильмов снова стал представляться как «мудрый вожьд и Учитель», своего рода «успешный менеджер», под руководством которого были проведены коллективизация и индустриализация, выиграна Великая Отечественная война, в кратчайшие исторические сроки осуществлено восстановление страны в послевоенный период.

Эти «болевые точки» наиболее остро почувствовала творческая интеллигенция

страны. Одним из основных направлений недовольства и оппозиционности в то время стало литературное диссидентство. Его отправной точкой (как и отправной точкой возникновения феномена диссидентства как такового) считается «дело» московских литераторов Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского, публично определившее границы свободомыслия в условиях строго очерченных идеологических рамок, определенных ЦК КПСС. Эти авторы, издавшие за рубежом под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц свои работы, осмелились подвергнуть в них критике социальные издержки советского государственного строя. Сами по себе их сочинения не представляли большой литературной ценности, однако они нарушили общепринятые правила «игры»: не печатают в стране – нельзя печататься и за ее пределами, тем более в западных странах. В сентябре 1965 г. за свои публикации они были арестованы, а в январе следующего года предстали перед судом. 14 февраля 1966 г. они были осуждены (А. Синявский на семь, Ю. Даниэль – на пять лет) по ст. 70 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию и пропаганду, а также подрыв государственного и общественного строя Союза ССР».

Многие представители интеллигенции еще до начала суда попытались вступить за опальных авторов. Среди них следует назвать Б. Ш. Окуджаву, К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского, Б. А. Ахмадулину и др. В Президиум Верховного Совета СССР было направлено «Письмо 63-х», в котором его авторы, а это были прежде всего представители творческой интеллигенции, просили освободить арестованных [23, с. 138]. На Пушкинской площади в Москве, кроме того, состоялся «Митинг гласности» в защиту опальных литераторов. У властей уже на этом этапе появился шанс найти способ и возможность погасить «разгорающийся» конфликт между частью творческой ин-

теллигенции и нарастающим движением протеста. Однако все было сделано с точностью до наоборот; результатом явилось увеличение количества недовольных политикой коммунистической партии и государства.

Следующей возможностью для поиска взаимного диалога и консенсуса между властью и оппозицией явились события в Чехословакии. В августе 1968 г. советское политическое руководство, в целях сохранения контроля над суверенным государством, где в результате начавшихся демократических реформ события вышли из-под партийного контроля, приняло решение ввести войска стран – участниц Варшавского Договора в ЧССР. Эти действия советских властей явились причиной для критики политически абсолютно недальновидного шага со стороны не только оппозиционеров, но и рядовых граждан, которое выражалось в самых различных формах. Особое место в мифологии диссидентского движения заняло выступление нескольких протестующих, пришедших на Красную площадь с плакатами «За вашу и нашу свободу», «Позор оккупантам!». Среди них были люди разного возраста и уровня образования: Л. Богораз, кандидат филологических наук; К. Бабицкий – студент; П. Литвинов – студент, внук наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова; литератор Н. Горбаневская, пришедшая на акцию с коляской с грудным ребенком; правнук коменданта Бастилии студент В. Делоне; электрик В. Дремлюга; В. Файнберг, выпускник филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, работавший в тот период времени экскурсоводом в музее. Участники протеста были арестованы, несколько позднее решением суда одних приговорили к реальным срокам лишения свободы, других, как, например, Н. Горбаневскую (продолжая традиции Н. С. Хрущева, заметившего однажды, что против социализма в СССР

может выступать только сумасшедший), поместили в психиатрическую больницу специального типа [21, с. 191]. Таким образом, очередной шанс для взаимодействия между властью и нарастающим движением оппозиции снова был упущен.

По мере развития движения диссидентов и нежелания их понять и даже хотя бы выслушать со стороны официальных властей все больше и больше находили поддержку не в своей стране, а за ее пределами. В то же время в крупных промышленных и культурных центрах страны диссиденты, получив известность, нередко становились примером для подражания, кумирами, символизировавшими борьбу с политической линией партии и авторитарным государством. Именно тогда, в конце 1960 – начале 1970-х гг., приобрели известность имена академика А. Д. Сахарова, писателя А. И. Солженицына, преподавателя истории из Москвы И. Я. Габая, физика, члена-корреспондента АН Армянской ССР Ю. Ф. Орлова, бывшего политзаключенного А. Т. Марченко, автора книги о местах лишения свободы «Мои показания», ставшую бестселлером своего времени [9, с. 137].

В качестве основного метода взаимодействия с властями диссиденты избрали обращения как коллективными, так и частными письмами в высшие судебные инстанции, Генеральную прокуратуру страны, ЦК КПСС и другие органы государственного управления с просьбами обратить внимание на различные нарушения прав заключенных, инвалидов, национальных меньшинств. Сразу необходимо отметить, что за редким исключением все они оставались без ответа. Другой, вынужденный, способ – через доступные источники информации, в основном через «самиздат» (нелегальный Бюллетень «Хроника текущих событий», выходивший в Москве) и зарубежные СМИ, распространять информацию о нарушениях прав человека в СССР.

Следует отметить при этом, что какой-либо строгой организации в среде диссидентов не существовало: были авторитетные общественные деятели, однако отсутствовали официальные лидеры. Так, например обращения, которые составлял, в частности, А. Д. Сахаров, или заявления, подготовленные А. И. Солженицыным, имели некоторое общественное звучание, однако никто из них не был организатором движения в подлинном смысле этого слова. Власть смущал тот факт, что в движении отсутствуют официальный лидер и определенная иерархия, что в значительной степени осложняло возможности разрушить организацию в целом [1, с. 79]. При этом были две основные идеи (по словам А. Макарова, «два символа веры»), которые делали активистов движением: «принципиальное ненасилие и основной инструмент борьбы – буква закона, принятого в стране, а также международные обязательства в сфере прав человека, которые СССР обязался соблюдать» [11].

Диссиденты официально не заявляли о политических претензиях на то, чтобы захватить политическую власть, и формально стремились лишь к тому, чтобы уважались основные права человека: свобода слова, передвижения, вероисповедания, собраний [6, с. 26]. Однако в реальности все было не столь однозначно: оказываясь в эмиграции, они нередко утверждали совсем обратное и их заявления нередко менялись, причем на совершенно противоположные. В этой связи можно привести примеры интервью, которые неоднократно давали западным СМИ В. Буковский, физик Ю. Орлов и др. [9, с. 163].

Рассматривая содержательную составляющую движения, необходимо отметить, что у каждой группы диссидентов была конкретная цель: одни занимались вопросами репатриации в Израиль (еврейское движение); другие ратовали за возвраще-

ние татар в Крым (крымско-татарское движение); третьи требовали соблюдения прав осужденных по политическим мотивам. Кроме того, достаточно широкую известность получили и религиозные движения: христианские активисты, добивавшиеся разрешения открыто крестить детей и исповедовать веру в Христа; кришнаиты, выступавшие за предоставление возможности свободно заниматься йогой и соблюдать вегетарианскую диету, и т. п. [10, с. 11]. Все эти вопросы, даже в тех условиях, на государственном уровне очевидно можно было решать относительно безболезненно, однако власть снова и снова не желала видеть и решать наболевшие проблемы, расширяя тем самым круг недовольных.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что советские диссиденты не сразу стали искать поддержку и понимание на Западе. Изначально они не пытались, что называется, «выносить сор из избы», а писали, как уже отмечалось, заявления и просьбы в различные инстанции, а также руководству Советского государства. Представляется, что это была некоторая попытка установить возможность для продолжения диалога с властными структурами. Однако после того, как в 1968 г. физики А. Сахаров, А. Твердохлебов и В. Чалидзе обратились с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, но не получив ответа, что и явилось поводом для изменения форм взаимодействия с властью. Кроме того, после осуждения четверых активистов движения: Ю. Галанскова, А. Гизбурга, А. Добровольского и В. Лашковой – за публикацию материалов за рубежом о судебном процессе над А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем, они начали искать более тесные контакты с западными журналистами и все больше и больше апеллировать к Западу. Уже получив известность вне своей страны, Л. Богораз и П. Литвинов опубликовали в Бюллетене сам-издата («Хроника текущих событий»)

так называемое «Обращение к мировой общественности», в котором просили международных наблюдателей оказать воздействие на советские власти и пересмотреть дело осужденных московских литераторов. Это обращение на английском и русском языках было передано по нелегальным каналам за рубеж и было озвучено на радио Би-Би-Си, что стало причиной очередной антисоветской кампании на Западе против «политических преследований в СССР» [23, с. 138].

После этого диссиденты стали поддерживать связи с Западом уже на постоянной основе. Оказавшаяся за рубежом информация (как реальная, так иногда и не соответствующая действительности) нередко становилась инструментом экономического и политического давления на Советский Союз. Именно поэтому в адрес руководства Союза ССР начали поступать письма от международных комитетов и ученых, а иногда и от руководства «братских» компартий, в поддержку биолога С. А. Ковалева, историка А. А. Амальрика, физиков А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова, что не могло не раздражать власти. Если на обращения «своих» можно было не реагировать, то оставить без внимания зарубежные обращения становилось весьма проблематичным.

Условия для поиска взаимного диалога имелись и по другой причине. Это было связано во многом с тем, что основной программной установкой советских диссидентов как формы политического несогласия был отказ от конструирования концепций общественного переустройства за исключением, пожалуй, А. Сахарова, пытавшегося пропагандировать идеи конвергенции, или А. Солженицына, ратовавшего за сохранение монархических начал в управлении государством. Вместо этого выдвигались частные конкретные требования определенных групп, связанные прежде всего со

свободой эмиграции, защитой прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, и т. д. Все это в итоге могло бы стать очередным взаимным шагом к поиску если не согласия, то, по крайней мере, взаимного диалога.

Середина 1970-х гг. стала началом нового этапа борьбы диссидентов за права человека. Это было в значительной мере связано с подписанием 1 августа 1975 г. политическим руководством Союза ССР Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки. Подписание этого документа означало принятие обязательства Советским Союзом предоставлять гражданам свободу передвижения, контактов, информации, право на труд, право на образование и медицинское обслуживание, равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, определять внутренний и внешний политический статус. Документ был опубликован в центральных газетах СССР и стал важнейшей политической картой диссидентов: «Вот, вы же сами подписали, извольте выполнять» [11].

В 1976 г. диссидентами были образованы нелегальные так называемые Хельсинкские группы правозащитников в Москве, на Украине, в Грузии, Армении, Литве. Главная цель этих групп заключалась в получении информации от граждан о нарушениях прав человека, знакомстве с ними общественности и правительства стран – участниц Совещания в Хельсинки. Под документом стояли подписи 11 чел. Вот как их квалифицировал Председатель КГБ ССР Ю. В. Андропов в записке в ЦК КПСС 15 ноября 1976 г. «В группу, – сообщал он, – входят... неоднократно привлекавшийся к уголовной ответственности Гинзбург А. И., еврей нигде не работает, Григоренко П. Г., украинец, пенсионер, нигде не работает, профессиональный уголовник Марченко А. Т., рус-

ский, отбывающий ссылку в Иркутской области; еврейские экстремисты: Рубин В. А. 1913 г. р., еврей, выехавший в Израиль, Щаранский А. Ф. 1948 г. р. еврей, нигде не работает; участники различных враждебных акций: жена Сахарова – Боннэр Е. Г., 1923 г. р. еврейка, пенсионерка, Бернштам М. С. 1949 г. р. еврей, выехавший в Израиль, Ланда М. Н. еврейка, пенсионерка, Алексеева Л. М., русская, нигде не работает и Корчак А. А., украинка, сотрудник Института земного магнетизма и ноосферы»¹.

Обращает особое внимание тот факт, как «педалирует» будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС на национальности членов группы и их трудовой деятельности. Представляется, что такого рода информация вряд ли вызывала чувство уважения членов Политбюро ЦК партии к тем, кто искренне или по другим обстоятельствам заботился о правах человека в стране. Теперь в передаче информации из СССР членам этих групп начала оказываться активная помощь корреспондентов, аккредитованных из западноевропейских стран и США [2, с. 119]. Такие действия, естественно, воспринимались властью, как антисоветская, антигосударственная деятельность, и «покушение» на основы советской государственности и пропасть между противоборствующими сторонами продолжала, естественно, увеличиваться.

В этой связи стоит отметить, что обращение диссидентов к западным правительствам и общественным организациям по поводу нарушения прав человека в СССР, пропаганда западных идеологических и нравственных ценностей не находила поддержки у большинства советских граждан. Значительная их часть искреннее верила средствам массовой информации о «враждебных намерениях» диссидентов, была уверена в социальной справедливости со-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 89. – Оп. 37. – Д. 4. – Л. 2.

ветского государственного строя, располагавшего к тому времени еще значительным потенциалом. К тому же связь некоторых диссидентов с западными разведывательными и идеологическими центрами (ЦРУ и др.), о чем регулярно сообщали советские СМИ, входила в явное противоречие с советским законодательством. Недаром партийное руководство использовало судебные процессы в целях дискредитации намерений «борцов» за права человека. В этой связи следует назвать процесс над так называемыми самолетчиками, осужденными за попытку угона пассажирского самолета с аэродрома «Смольное» близ Ленинграда, А. Щаранским, уличенным в передаче совершенно секретной информации в ЦРУ США и др., которые весьма широко освещались в центральной печати.

Обсуждение

Показательно, что до настоящего времени отсутствуют точные данные о количестве диссидентов в Советском Союзе. Статистику органов государственной безопасности – единственного источника учета оппозиционеров вряд ли следует считать достоверной, поскольку было множество лиц, привлекавших внимание КГБ лишь тем, что они давали кому-то почитать «самиздат», либо сами были замечены в чтении запрещенной литературы. Эти «нарушители» приглашались на воспитательные беседы в КГБ, сменявший строгие меры пресечения «антисоветчины» на профилактические. По статистике, число таких людей за 1960–1980-е гг. составило почти полмиллиона человек. Число подписавшихся под разными обращениями и письмами – десятки тысяч. Однако действительно активных правозащитников, составляющих обращения, было гораздо меньше – их число исчисляется не тысячами, а сотнями [21, с. 191].

Так или иначе, количество в большей или меньшей степени несогласных с политикой советских властей было достаточно

большим. Многие советские люди, в первую очередь их мужская часть, по ночам слушали зарубежные «радиоголоса», пели песни А. А. Галича (которые официально были запрещены), читали самиздатовскую литературу. Это, конечно, не говорит о том, что все они были диссидентами, но многие так или иначе задумывались о недостатках советской модели социализма. Кроме того, в середине 1960–1970-х гг. в среде молодежи страны достаточно быстро начала распространяться своеобразная мода на все западное, включая одежду обувь, музыку, танцы и т. д., связанную с развитием интернациональной массовой культуры. Первым заметным проявлением этой культуры явилось повальное увлечение песнями группы «Битлз». Такое увлечение западной культурой делало идеи диссидентов еще более востребованными [19].

Однако быть диссидентом в те времена было довольно опасно: они нередко привлекались к уголовной ответственности, в их отношении применялись и другие, не столь жесткие, но действенные меры: увольнение с работы или отчисление из учебного заведения, установка слежки или прослушивания телефонных разговоров. Одним из методов избавления власти от инакомыслящих и их дискредитации становилось принудительное лечение в специальных психиатрических больницах. С еще большим количеством людей проводилась профилактическая работа – беседы и предостережения в органах государственной безопасности [7, с. 178]. Иногда применялись лишение советского гражданства и высылка за рубеж. Так, например, после выхода в Париже в декабре 1973 г. первого тома «Архипелага ГУЛАГ» Политбюро ЦК КПСС приняло решение об аресте А. И. Солженицына, лишении его гражданства СССР и высылке за границу, что, собственно, и произошло 13 февраля 1974 г. В январе была исключена из Союза пи-

сателей Л. К. Чуковская, в феврале – В. Н. Войнович, в июне арестован лидер движения крымских татар М. А. Джемилев, осужденный к одному году лишения свободы, проведены превентивные меры против других представителей творческой интеллигенции.

Особое место в обширном списке репрессий против диссидентов занимает Ленинградское дело № 15, которое было возбуждено УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области в марте 1974 г. «по факту хождения в г. Ленинграде антисоветской литературы». В этом деле речь шла об издаваемых самиздатом книгах: «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Мои показания» А. Т. Марченко, трудах польского философа Л. Колаковского.

Целая серия обысков по данному делу была произведена у друзей поэта И. А. Бродского, который был лишен гражданства и был вынужден эмигрировать в 1972 г., у писателей М. Р. Хейфеца, В. Р. Марамзина, врача и писателя В. А. Загребы. При обыске у М. Хейфеца сотрудниками КГБ была изъята вступительная статья к самиздатовскому собранию сочинений И. Бродского, подготовленного В. Марамзиным, вследствие этого М. Хейфецу было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда» [4, с. 220].

В то же время УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области велось дело Е. Г. Эткинда, профессора Педагогического института им. Герцена, неоднократно выступавшего с критикой властей, в частности в ситуации с И. Бродским, поддерживавшего контакты с А. Солженицыным. В апреле 1974 г. Е. Эткинд был уволен из института и исключен из Союза писателей СССР, что послужило одной из причин его эмиграции во Францию [11, с. 57]. Такого рода «защитные» акции властей продолжались фактически да начала так называемой перестройки.

Заключение

Важнейшей исторической причиной появления советского диссидентства явилась незавершенность хрущевских реформ, которые, приоткрыв «окно свободы и демократии», так и не были реализованы до конца. Несмотря на то что сознание у значительной части советских граждан не изменилось и оставалось, по сути, традиционным, часть общества, прежде всего творческая интеллигенция и молодежь, пережили значительную духовную трансформацию. Многие из них высказывали несогласие с политикой возврата к сталинским методам управления (пусть и в смягченном виде) и действий властей. Начавшаяся в период разрядки международной и подписания Хельсинкских договоренностей частичная интеграция СССР в международное сообщество усиливала, с одной стороны, оппозиционные настроения, с другой – давала власти и диссидентам найти способ и механизм взаимодействия и сотрудничества. Однако «ни кремлевские сидельцы», ни оппозиция так и не смогли найти возможности для конструктивного диалога и сотрудничества на благо обновления своей страны. Результатом такого рода взаимоотношений стали вынужденная эмиграция немалой части интеллектуальной элиты страны, осуждение диссидентов за антисоветскую агитацию и пропаганду к реальным срокам лишения свободы, насильственное помещение некоторых несогласных с политикой партии и государства в специальные психиатрические больницы тюремного типа и т. д.

Феномен диссидентского движения показателен для нашего времени эксклюзивностью, выходом за рамки привычного поведения советских граждан, живущих в эпоху «позднего» социализма. К сожалению, власть так и не смогла использовать значительный интеллектуальный потенциал оппозиции, который в итоге стал рабо-

тать на разрушение Советского государства. По нашему мнению, ее, безусловно, нельзя идеализировать и недооценивать, ибо среди диссидентов были самые разные люди, как по убеждениям, уровню образования, интеллекту, так и по возрасту. Они представляли самые различные регионы и национальности. Иногда и в самом деле в этой среде оказывались лица с явными психическими отклонениями, пострадавшие дети репрессированных родителей периода массовых политических репрессий, несостоявшейся личной судьбой, бытовой неустроенностью и т. п.

Если же говорить о высших эшелонах власти того периода времени, представляется, что значительная часть членов Политбюро и Секретариата, средний возраст которых был более 70 лет, как правило, прошедших сталинскую «школу воспитания»,

являлись достойными представителями номенклатурной системы. К тому же подавляющее их большинство имели инженерное или аграрное, причем часто заочное или вечернее образование, и вряд ли по своим интеллектуальным способностям могли вести диалог с диссидентами и поэтому уклонялись от встреч с ними.

Тем не менее открытое противостояние диссидентов сложившейся советской системе управления, а также нежелание и неумение вырождавшейся политической элиты страны искать и находить «точки соприкосновения» с людьми, исповедующими иные взгляды и убеждения, стало одной из предпосылок последующих преобразований в стране и скорого распада СССР, ставшего, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, крупнейшей геополитической катастрофой XX в.

Библиографический список

1. *Авторханов А.* Сила и бессилие Брежнева. Политические этюды. – ПОСЕВ, 1980. – 2-е изд., [Электронный ресурс]. – URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_sila_i_bessilie_brezhneva_1979.
2. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. – 3-е изд. – М. : Московская Хельсинкская группа, 2012.
3. *Гордина Е. Д.* Эволюция темы «оттепели» и застоя на страницах перестроечной прессы (на материале журнала «Огонек») // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия : Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2016. – № 3.
4. *Золотоносов М.* Как охотились за диссидентами 40 лет назад [Электронный ресурс]. – URL: <https://online812.ru/2014/04/17/012/>.
5. *Иофе В.* Ленинград. История сопротивления в зеркале репрессий (1956–1987) [Электронный ресурс]. – URL: <http://memorial-nic.org/iofe/37.html>.
6. *Кирушин К. Р., Корнилова И. В.* Советское диссидентство как форма сопротивления общественной мысли и политической власти // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2018. – № 10 (42).
7. *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. – М. : Международные отношения, 2012. – С. 137.
8. *Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева : в 2 ч. – М. : Международные отношения, 2019. – Ч. 1.
9. *Лушин А. И.* Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов. – СПб., 2011.
10. *Лушин А. И.* Советское государство середины 1960–1970-х гг. и становление системы борьбы с оппозицией // Управленческое консультирование. – 2014. – № 3.
11. *Макаров А., Богатко Ю., Коронный О.* Главное о диссидентах в 9 вопросах [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1214>.
12. *Назырова Е. А.* Анализ взглядов на развитие правозащитного движения в России 70–80-е годы XX века // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – № 20. – С. 3613.

13. Никонова С. И. Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965–1985 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2008.
14. Никонова С. И. Инакомыслие и власть // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 1177.
15. Романкина И. А. Типология диссидентского движения в СССР (1950–1980-е гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Коломна, 2007.
16. Серебрякова Е. Г. Жанр судебной хроники в литературно-публицистическом наследии диссидентов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2014. – № 6.
17. Серебрякова Е. Г. Стратегия власти и А. Гинзбурга в деле «Синявского и Даниэля» // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – № 25.
18. Стрелец М. В. Правозащитное движение в СССР в эпоху Л. И. Брежнева: некоторые аспекты истории // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2013. – № 3 (40).
19. Товбин К. М. Постмодернистская религиозность в традиционалистической оценке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/>.
20. Федюлов А. Н. Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970–1980-е // Известия Алтайского государственного университета. – 2008.
21. Чикишева О. В. «Оттепель» как историко-культурный феномен и предмет современного научного осмысления: региональный аспект // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 1 (1). – С. 141.
22. Широкопад А. Диссиденты 1956–1990 гг. Серия «Политический компромат». – М. : Алгоритм, 2014.
23. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. – Харьков : Права людини, 2013.

References

1. Avtorkhanov A. Strength and Impotence of Brezhnev. Political Studies. POSEV, 1980. 2nd ed. Available at: https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_sila_i_bessilie_brezhneva_1979. (In Russ.).
2. Alekseeva L. History of Dissent in the USSR. The Latest Period. 3rd ed. Moscow, 2012. (In Russ.).
3. Gordina E. D. The Evolution of the Theme of the “thaw” and Stagnation in the Pages of the Perestroika Press (based on the material of the magazine “Spark”). *Vestnik NGTU m. R. E. Alekseeva* = Vestnik NGTU named after R. E. Alekseev. Series: Management in Social Systems. Communicative Technologies. 2016; 3. (In Russ.).
4. Zolotonosov M. How Hunted for Dissidents 40 Years Ago. Available at: <https://online812.ru/2014/04/17/012/>. (In Russ.).
5. Joffe V. Leningrad. The History of Resistance in the Mirror of Repression (1956–1987). Available at: <http://memorial-nic.org/iofe/37.html>. (In Russ.).
6. Kirushin K. R., Kornilova I. V. Soviet Dissidence as a Form of Resistance to Social Thought and Political Power. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* = Actual Scientific Research in the Modern World. 2018; 10(42). (In Russ.).
7. Kostyrchenko G. V. Secret Policy of Khrushchev. Power, Intelligentsia, the Jewish Question. Moscow, 2012, 137 p. (In Russ.).
8. Kostyrchenko G. V. Secret Policy: from Brezhnev to Gorbachev: in 2 p. Moscow, 2019, P. 1. (In Russ.).
9. Lushin A. I. The Soviet State and the Opposition in the mid- 1950–1980s. Saint Petersburg, 2011. (In Russ.).
10. Lushin A. I. The Soviet State of the mid- 1960–1970s and the Formation of the System of Struggle Against the Opposition. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* = Management Consulting. 2014; 3. (In Russ.).
11. Makarov A., Bogatko Yu, Koronny O. The main thing about dissidents in 9 issues. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1214>. (In Russ.).
12. Nazyrova E. A. Analysis of views on the development of the human rights movement in Russia 70–80-ies of the XX century. Concept. 2014; 20: 3613. (In Russ.).

13. *Nikonova S. I.* Power and the Intelligentsia: Interaction and (or) Confrontation (1965–1985). *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* = News of Altai State University. 2008. (In Russ.).
14. *Nikonova S. I.* Dissent and Power. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2008; 4: 1177. (In Russ.).
15. *Romankina I. A.* Typology of the Dissident Movement in the USSR (1950–1980s): Dis. ... Cand. Hist. Sc. Kolomna, 2007. (In Russ.).
16. *Serebryakova E. G.* Genre of Judicial Chronicle in the Literary and Journalistic Heritage of Dissidents. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. 2014; 6. (In Russ.).
17. *Serebryakova E. G.* Strategy of Power and A. Ginzburg in the Case of “Sinyavsky and Daniel”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 2015; 25. (In Russ.).
18. *Sagittarius M. V.* The Human Rights Movement in the USSR in the Era of L. I. Brezhnev: Some Aspects of History. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* = Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2013; 3(40). (In Russ.).
19. *Tovbin K. M.* Postmodern Religiosity in Traditionalist Assessment. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/>. (In Russ.).
20. *Fedulov A. N.* Literary and Artistic Samizdat in the USSR in the 1970–1980s. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Altai State University. 2008. (In Russ.).
21. *Chikisheva O. V.* “Thaw” as a Historical and Cultural Phenomenon and the Subject of Modern Scientific understanding: Regional Aspect. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2013; 1(1): 141. (In Russ.).
22. *Shirokorad A.* Dissidents 1956–1990. Series “Political compromising evidence”. Moscow, 2014. (In Russ.).
23. *Etkind E. G.* Notes of the Non-Conspirator. Kharkov, 2013. (In Russ.).

Поступила 12.08.2019.

Сведения об авторе

Кузьменко Дмитрий Александрович – аспирант кафедры ГМУ Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия).
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8306-5106>.

E-mail: Malish26160@mail.ru

Submitted 12.08.2019.

About the author

Dmitry A. Kuzmenko – postgraduate student, the Department of State and Municipal Management, the North-West Institute of Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, Saint-Petersburg. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8306-5106>.

E-mail: Malish26160@mail.ru